

ПЕРЕЧИТЫВАЙТЕ ГОРЬКОГО

Недавно закончился смотр колхозных театров, организованный Управлением театрами Наркомпроса. Естественно, что ведущим вопросом в этом новом, небывалом в истории человечества театральном движении является вопрос о репертуаре. Советский колхозный театр прежде всего отмечает сиююкающую „народность“ в кавычках. Развитие капиталистического театра делало эту „народность“ одним из орудий исторического угнетения деревни. И наполняло ее идеями подчиненности деревни городу, идеями барской опеки „низшей“ расы — мужика. Поддерживало как должное зоологический идиотизм старой помещичье-буржуазной деревни.

Мы несем обратное в деревню. Мы даем через колхозный театр советскому колхозу всю полноту художественной мысли, приобщая колхоз к культуре советского города. Мы уничтожаем проклятое средостение, созданное веками угнетения и классовой эксплуатации.

Новому стомиллионному зрителю, не только никогда до Октября не бывавшему в театре, но и не видевшему вывески „театр“, а в значительной части не умевшему даже прочесть ее,

М. Горький

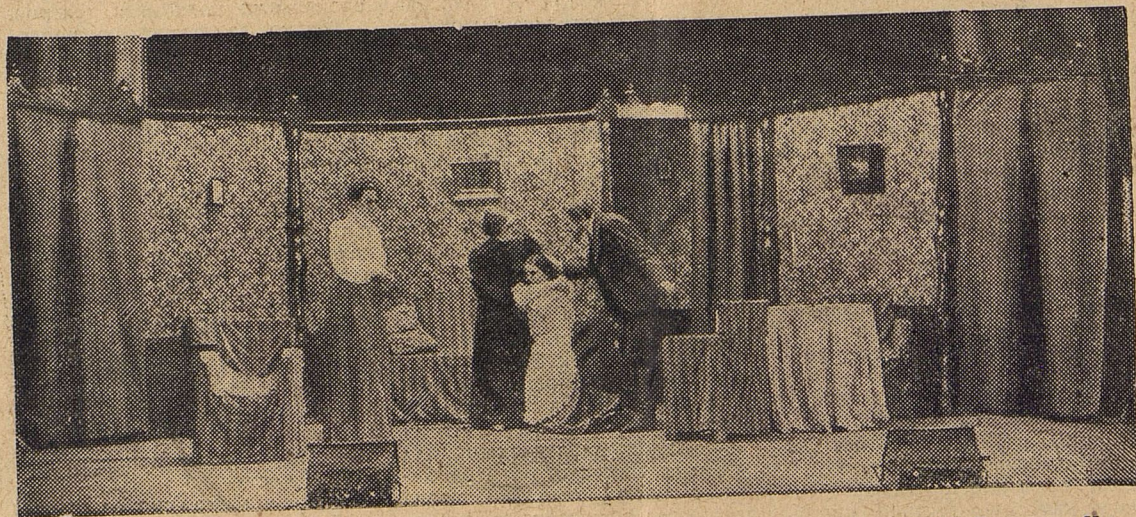
этому совершенно неведомому в истории европейского театра зрителю, мы имеем возможность показать не „Царя Максимилиана“, не Петрушку, не лубочную сытинскую картинку, не „Битву русских с кабардинцами“, а полнокровный городской театральный спектакль. И этот путь

от „векового“ раба крестьянин проделал за 17 советских лет.

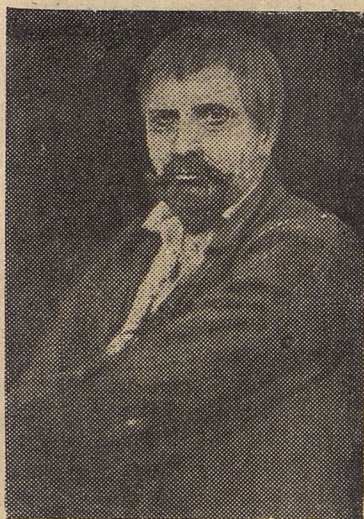
Колхоз и колхозный театр — вовсе не „чудо“ и не „сказка“. Он вырос в борьбе за социализм. Он — новая глава в мировой истории театра.

Нужно ли удивляться, что на первом смотре колхозных театров первое место драматурга-победителя досталось Горькому. Спектаклю его пьесы „Васса Железнова“ в исполнении Ленинградского колхозного театра. Это был самый яркий, самый впечатляющий, самый захватывающий спектакль. Колхозный театр напомнил о забытом наследии прежних горьковских пьес, о новом прочтении их сравнительно с театром дореволюци-

онным. Такова и „Васса Железнова“, написанная еще в 1912 г. Пьеса с потрясающей силой рисует картину распада купеческо-мещанской семьи. Здесь все принесено в жертву стяжанию и хищничеству, проклятой власти денег. На этом алтаре „святой частной собственности“ трещит

Ленинградский совхозно-колхозный театр им. обкома ВЛКСМ. „Васса Железнова“ М. Горького. Пьеса
Постановка В. Ф. Дудина, художники Г. П. Руди и В. А. Крючкова

„На дне“ в МХАТ I. Лука—нар. арт. И. М. Москвин, Настя—народн. арт. О. Л. Книппер-Чехова
Барон—нар. арт. В. И. Качалов

все—начиная от живого хруста живых костей (кособокий Павел — сын Вассы) и кончая нравственным разложением, пределом падения морального. В условиях буржуазного театра эта идея, эта железная основа пьесы и всего мировоззрения Горького, естественно, не могла быть вскрыта. Там она звучала, наподобие найденовских „Детей Ванюшина“, всего лишь как проблема этическая. Не хорошая, мол, семья Железновых. Живет не по евангельскому закону, не по-христиански, а потому и разлагается. Надо жить иначе. Но как? Здесь буржуазный театр в толковании Горького подменял его, искажал. И потому пьеса не могла ударить с той силой, какая в ней была скрыта, с той правдой, какая была в ней заложена. Пьеса в целом была смята и забыта.

И только теперь, только репертуар Ленинградского колхозного театра напомнил о ней. Он раскрыл в пьесе именно ту **правду**, которую буржуазный театр старался скрыть, того Горького, которого за „Васс Железновых“ в совокупности Айхенвальды, Философовы, Зинаиды Гиппиусы и прочие Мережковские объявляли „явлением глубоко некультурным“.

Спектакль „Вассы Железновой“ убедительнее многих курсов литературы вскрывает и показывает причины их „культурного“ возмущения. „Васса Железнова“—это страшный оскал классовых зубов, это трагедия обреченности капиталистического строя и его семьи, ее страшные и смрадные конвульсии, ее смердяковщина. Композиция пьесы—огромной ясности реалистическое полотно, убедительное в своей непогрешимой логике и сокрушающей силе обличения. Это тот Горький, которого уже тогда Ленин называл „безусловно крупнейшим представителем пролетарского искусства“.

Мудрено ли, что этот Горький, целиком примкнувший к рабо-

чему движению, Горький—друг Ленина, становится ненавистным буржуазной критике, опустившейся русской интеллигенции. Она после 1905 года пуще всего боится масс, боится рабочего и крестьянского движения. А между тем оно все больше и больше становится неотвратимой явью. Михайловский меланхолически задумывается над тем, как к нему в кабинет ворвется неумытый, нечесанный, грязный мужик и разобьет бюст его любимого писателя. Мережковский шлет бешеные проклятия „Грядущему хаму“. И все свои упования строит на том, что с русской интеллигенцией **сам** Христос. „Он стоит у дверей и стучит, но, если мы не услышим и не ответим, он уйдет к дру-

„На дне“ в МХАТ I. II акт.

гим". Пуше всего боялся Мережковский, как бы марксисты не поссорили русский народ с Христом. А Гершензон в историческом сборнике „Веи“ договаривается до самого черносотенного бреда: „Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, бояться его мы должны пуше всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной“.

В „Мещанах“, „Дачниках“, „Детях солнца“, „Варварах“ Горький бросает в лицо этой разжиревшей и опошлившейся интеллигенции гневно-бичующие разоблачения ее реакционной роли. Горький клеймит „детей солнца“ за то, что, „пока они „благоустроенно“ мечтают о прекрасном будущем и его „солнце“, рядом с ними провинциальный городок гниет и устраивает холерный бунт. Он называет „варварами“ инженеров, приехавших в захолустный пункт строить железную дорогу и принесших с собой туда карты, пьянство, кутежи, разврат. „Мы—дачники, — говорит о себе героиня „Дачников“ Варвара Михайловна, — мы—дачники в нашей стране, какие-то приезжие люди. Мы суетимся, ждем в жизни удобных мест, мы ничего не делаем и отвратительно много говорим“. Юноша Влас, — конечно, устами самого Горького, — сочиняет такие стихи

„Врачи“ М. Горького в театре МОСПС. I акт

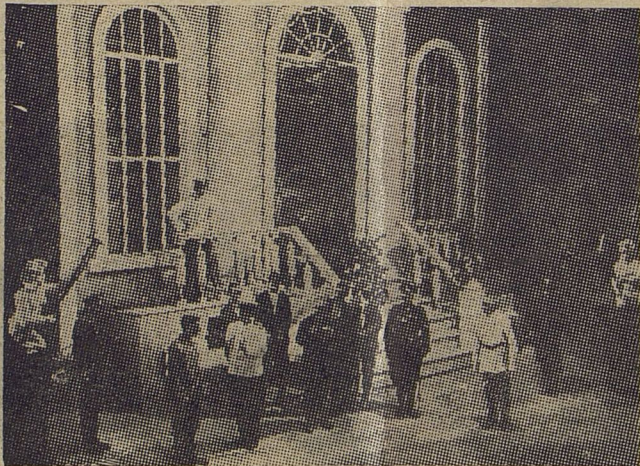
на омещанившуюся и запахнувшуюся в халат интеллигенцию:

**Маленькие, нудные людишки
Ходят по земле моей отчизны,
Ходят и уныло ищут места,
Где бы можно было спрятаться от жизни.**

**Все хотят дешёвенького счастья,
Сытости, удобств и тишины.**

Горький — первый художник большевизма и первый революционно-пролетарский драматург. В этом политическое и партийное значение его. И целый ряд пьес Горького, в том числе и пьесы об интеллигенции, не получили еще нужного сценического раскрытия и звучания. Убедительнейшее доказательство то-

му — вновь „открытая“ пьеса Горького „Васса Железнова“. Колхозный театр опередил городской. Надо использовать этот урок и обратиться к ценнейшему наследию — дореволюционным пьесам Горького. Как Егор Булычев начинается еще в „Вассе Железновой“, так Достигаев и другие выросли из „Мещан“, „Дачников“, „Детей солнца“ и „Варваров“. Это исторический цикл „культурного“ мещанства, тянувшего Россию от революции, от Октября на стезю либеральной постепенности. Ленин говорил о них: „Ваши слова о свободе и демократии — напускной лоск, заученные фразы, модная болтовня или лицемерие. Это размалеванная вывеска. А сами по себе вы — гробы поваленные, душонка у вас насквозь хамская, и вся ваша образованность, культурность и просвещенность есть только разновидность квалифицированной проституции. Ибо вы продаете свои души, и продаете не только из нужды, но и из любви к искусству“. (Ленин, т. 12, стр. 7). Отсюда и дальнейшие нити белогвардейщины, всякого рода вредительство, всего того, что революционному пролетариату пришлось преодолевать и разбивать на пути к победе. Вот почему драматургия Горького должна быть полностью освоена театром.

„Врачи“ М. Горького в театре МОСПС. III акт